

ВОКРУГ ЧЕРНОБЫЛЯ ВСЕГДА БЫЛО МНОГО ПОЛИТИКИ

Министр РФ по атомной энергии Александр Румянецв считает перспективу обрушения саркофага вполне реальной

Согласно отчету Научного комитета по действию атомной радиации ООН, в результате аварии на 4-м блоке Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года наибольшие дозы облучения получили примерно 600 человек из числа персонала, находившегося в тот день на промышленной площадке ЧАЭС. Из них 134 человека подверглись особо значительному внешнему облучению. Удостоверения, подтверждающие статус ликвидаторов, получили около 600 тыс. человек. Бывали в истории и более серьезные техногенные аварии, но почему-то именно Чернобыльская катастрофа стала своеобразной точкой отсчета в новейшей истории человечества. В преддверии очередной, 17-й годовщины взрыва на Чернобыльской АЭС, "НГ" обратилась к министру России по атомной энергии академику Александру Румянцеву с просьбой прокомментировать сегодняшнее состояние дел на объекте "Укрытие" (так называемый саркофаг), сооруженном над разрушенным 4-м блоком ЧАЭС.

— Александр Юрьевич, общепризнано, что строительство саркофага над 4-м блоком ЧАЭС было уникальным инженерно-технологическим проектом, а объект "Укрытие" — беспрецедентное сооружение. Но его строили в расчете на пять лет. Прошло уже без малого 17 лет, а саркофаг все стоит. Как вы оцениваете его сегодняшнее состояние?

— Когда говорят о Чернобыле, у меня всегда портится настроение. Потому что это действительно была самая мощная техногенная авария. Она напугала миллионы людей. И этот испуг — основное медицинское последствие аварий. Этот испуг — и ученые, медики это знают — приходит к таким же заболелаваниям, как и те, которые можно было бы получить при облу-

чении большими дозами радиации.

Скажу сразу, что перспектива обрушения крыши саркофага совершенно реальна. Понимаете, сегодня даже трудно говорить, что происходит за стенами саркофага. Кто обследовал эти стены? Например, несколько лет назад руководство Украины отказалось от услуг научной экспедиции Курчатовского института, которая проводила постоянный мониторинг объекта. При том, что все признавали значение этих работ: руководивший этой экспедицией сотрудник Курчатовского института Александр Боровой стал даже лауреатом Государственной премии Украины.

— Почему была прекращена миссия этой экспедиции?

— Это вопрос не ко мне. Таково было решение руководства Украины.

— А сами украинцы — ответственными силами — проводят исследования?

— Все улирается в финансирование. Сейчас его нет.

— Судя по вашему тону, у вас достаточно пессимистическое отношение к будущему саркофага?

— Да. Надо бы строить над существующим саркофагом новое укрытие. Примеры реализации таких технологий имеются. Те, кто был в Париже, знают гранд-арку в виде буквы "П". По этой технологии можно так же накрыть и саркофаг и соорудить над ним новый, литой бетонный купол — по принципу матрешки. Современные строительные конструкции из тяжелого бетона и технологии позволяют реализовать этот план. И тогда уже не будет страшен никакой обвал крыши ныне существующего саркофа-

га: все произойдет внутри нового купола. Это надо сделать. Реализация подобного проекта может стоить, по-видимому, несколько сотен миллионов долларов.

— Правительство Украины в курсе ситуации?

— Конечно. Но в чернобыльском вопросе с самого начала было много политики. И до сих пор эта политика вокруг Чернобыля не закончилась. У некоторых украинских политиков проскальзывают такие мотивы: с одной стороны, ЧАЭС — некая угроза Европе, так что пусть Европа дает кредиты на обеспечение безопасности; с другой стороны, если что случится, будет еще один аргумент обвинить Россию — она, мол, все это построила. Но министр атомной энергетики, вице-премьер Украины, несомненно, прекрасно понимают серьезность ситуации.

— Если бы был реальный контракт — Минатом России взялся бы за сооружение саркофага-2?

— У Минатома РФ нет таких строительных мощностей. Это дело строителей. Мы могли бы все просчитать и с прочностной точки зрения, и с точки зрения обеспечения радиационной безопасности (на случай обрушения сегодняшнего саркофага), а строить должны специализированные строительные организации. Кстати, на ЧАЭС приезжал проектировщик, строивший гранд-арку в Париже. — его возили туда наши физики. Он сказал, что нет проблем: были бы деньги — сделаем.

— Судя по вашим словам, все все понимают — и в Москве, и в Киеве — и тем не менее с олимпийским спокойствием ждут, когда обрушится крыша саркофага?

— Обрушение крыши нынешнего саркофага — это реальная опасность, от этого отмахиваться нельзя. Все понимают, что в случае обрушения поднимется радиоактивная пыль. Будет локальное загрязнение, но глобальной катастрофы, конечно, уже не будет.

— До Швеции, как в 1986 году, дойдет? Или до Белоруссии?

— Нет, я не думаю. Но опять будет тот же самый политический резонанс, опять миллионы людей будут ввергнуты в состояние психологического стресса. Вот для того, чтобы предотвратить эти последствия, надо перекрыть саркофаг, чтобы на обозримое будущее эту проблему закрыть.

Андрей ВАГАНОВ,
"Независимая газета"

